

MVLTA & VARIA

Studi offerti a Maria Marcella Ferraccioli e Gianfranco Giraudo

a cura di Florina Creț Ciure, Viviana Nosilia, Adriano Pavan

II

ISBN 978-88-96177-42-6

1ª Edizione marzo 2012

I diritti di riproduzione e di adattamento
totale o parziale e con qualsiasi mezzo
sono riservati per tutti i Paesi.

Nessuna parte di questo libro può essere
riprodotta senza il consenso dell'Editore.

© 2012 Biblion Edizioni srl Milano
www.biblionedizioni.it

VOLUME II

Gianclaudio Macchiarella, <i>Delvina, Albania: a Sufi architectural enclave</i>	9
Emilia Magnanini, <i>Un romanzo "slavo" a Parigi</i>	33
Елена Миронеско-Белова, <i>О прекрасном слове женицина в русском языке: некоторые этимолого-лексикографические наблюдения и гендерно-лирические размышления</i>	73
Aleksander Naumow, <i>Il culto di san Clemente di Roma nell'antica Rus'</i>	85
Gizella Nemeth – Adriano Papo, <i>Ludovico Gritti nella storia, nella storiografia e nella letteratura</i>	97
† Mario Nordio, <i>Considerazioni su rischi e virtù degli imperi</i>	121
Viviana Nosilia, <i>Zacharija Kopystenskij sull'istruzione</i>	149
Adriano Pavan, <i>Le traduzioni ucraina e francese di Dvč Russkija Narodnosti di N. I. Kostomarov</i>	197
Stefano Pellò, <i>Volpi russe in Persia: note di etnozoologia eurasiatica</i>	221
Radoslav Petrović, <i>Ruski konzulat u Dubrovniku od osnivanja do</i>	231

1878. godine	
Matteo Piccin, <i>L'eredità cirillo-metodiana alla luce del Mefodievskij jubilejnyj sbornik (1885), tra Impero, nazionalismo e panslavismo</i>	317
Giorgio Pieretto - Gianroberto Scarcia, <i>Sto sui confini della fine</i>	369
Ioan Aurel Pop, <i>Ambasadorii venețieni din Imperiul Romano-German despre Principatele Române și Ungaria (a doua jumătate a secolului al XVI-lea)</i>	393
Danuta Quirini-Popławska, <i>Kontakty handlowe weneckiej Krety z Polską (ze szczególnym uwzględnieniem Lwowa) w XVI wieku</i>	411
Rafał Quirini-Popławski, <i>Parę uwag o adriatycko-węgierskiej genezie stylu kapiteli z klasztoru Benedyktynów w Tyńcu</i>	437
Олег Румянцев, <i>Балканские пути леснинских монахинь</i>	461
Vasile Rus, <i>Il monastero di Peri et Giovanni Corvino di Hunyad alla fine del Quattrocento</i>	473
Tudor Sălăgean, <i>Francia și Lombardia în opera notarului anonim al regelui Bela al Ungariei, Gesta hungarorum</i>	485
Marco Scarpa, <i>Пары в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева</i>	493
Alexandru Simon, <i>Impactul și implicațiile căderii cafei în vara anului 1475: date și perspective asupra politicilor genoveze și otomane din aria pontică</i>	505
Sorin Șipoș, <i>Mărturii asupra frontierei răsăritene a Europei consemnate de ofițerul francez Lazovski la sfârșitul secolului al XVIII-lea</i>	523
Krassimir Stantchev, <i>Gli inizi del culto di papa Clemente I presso gli Slavi ortodossi</i>	547
<i>Elogio di san Clemente, patriarca di Roma, scritto da Clemente</i>	

<i>Vescovo (trad. it. di Rosanna Morabito)</i>	558
Barbu Ștefănescu, <i>Istoriografia ca formă a memoriei în spațiul intercultural</i>	567
Giuliano Tamani, <i>L'opuscolo di Leon Modena sul gioco d'azzardo (Sur me-ra', Venezia 1595)</i>	579
Сергей Ю. Темчин, <i>Сербский писатель Феодосий Хиландарец как греческий гимнограф</i>	597
Giuliana Toso Rodinis, <i>Désert di Le Clézio e La Prière de l'Absent di Ben Jelloun</i>	605
Vanessa Trapani, <i>Polak to katolik. Qualche riflessione sul Cattolicesimo in Polonia</i>	625
Giorgio Vespignani, <i>Ancona tra Oriente e Occidente alla fine del secolo XIV. Lo "strano caso" del passaggio in città del "patriarca" Paolo Paleologo</i>	639
Moreno Zagato, <i>Vampiri in Moravia: una relazione settecentesca della Biblioteca del Civico Museo Correr</i>	657
Boghos Levon Zekian, <i>I N K H N A N V E R – Nel dono di sé</i>	683
Andrea Zinato, <i>Koplas e romances della diaspora sefardita (sec. XVII-XIX)</i>	689

MARCO SCARPA

ПАРЫ В РОМАНЕ «ОТЦЫ И ДЕТИ» И. С. ТУРГЕНЕВА ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

ABSTRACT: COUPLES IN IVAN TURGENEV'S NOVEL FATHERS AND SONS.

It is not by accident that the last chapter of Ivan Turgenev's novel *Fathers and Sons* two weddings take place. At the very end of the novel a couple of parents is standing in front of their son's grave. These three couples organise the novel's social and intimate space, on the background of other couples, less important in the narration, and of other love stories, bound do end badly.

The essay gives an overview of the couples presented in the novel and considers their role inn the narrative plot.

KEYWORDS: Ivan Sergeevič Turgenev – *Fathers and Sons* – love – narrative critics.

ВВЕДЕНИЕ

«— Да притом любовь... ведь это чувство напускное.

— В самом деле? Мне очень приятно это слышать.

Так выражалась Анна Сергеевна, и так выражался Базаров; они оба думали, что говорили правду. Была ли правда, полная правда, в их словах? Они сами этого не знали, а

автор и подавно. Но беседа у них завязалась такая, как будто они совершенно поверили друг другу»¹.

На самом деле, это решающий момент жизни Базарова. Так, в последней сцене, в последнем диалоге он опять оказывается вместе с Анной Сергеевной Одинцовой, на грани безумия: «Ну, что ж мне вам сказать... я любил вас! Это и прежде не имело никакого смысла, а теперь подавно. Любовь — форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что — какая вы славная! И теперь вот вы стоите, такая красивая...»².

Но более важную роль, чем эти утверждения, заслуживающие отдельного анализа, как кажется, в романе играют пары, изображенные Тургеневым. Наверное, не случайно в последней главе книги играют две свадьбы: одного отца и одного сына. И все заканчивается еще одной парой на могиле сына. Совершенно противоестественная сцена, учитывая, что чаще дети хоронят своих родителей, при этом являющая образец родительской нежности.

Мне представляется, что эти три пары организуют социальное и интимное пространство в романе, на фоне ряда других пар, менее важных с повествовательной точки зрения, и еще нескольких историй любви, которые, однако, не доведены до благополучного конца. Среди них особенно важны взаимоотношения между Базаровым и Одинцовой³.

¹ И. Тургенев, *Отцы и дети*, в: *Отцы и дети. Накануне. Романы*, Москва, Издательство Москва, 2006, с. 334 (гл. XXV).

² Там же, с. 358 (гл. XXVII).

³ Поскольку история Базарова–Одинцовой не получает благополучного разрешение, в этом исследовании речь о них не идет. См. E. Wasiolek, *Bazarov and Odintsova*, «Canadian-American Slavic Studies», XVII (1983), 1, сс. 39-48.

Также интересно замечание Писарева о «Женских типах в романах и повестях Тургенева» до «Отцов и детей» (статья написана в 1862): Д. И. Писарев, *Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова*, в: *Сочинения в четырех томах*, I: *Статьи и рецензии 1859-*

Хотелось бы, однако, представить остальные пары так, как они описаны в романе, пытаясь уловить их значение в повествовании.

Сначала речь пойдет о парах, образующих фон, потом я остановлюсь на трёх главных парах; и наконец, попробую сделать некоторые выводы.

1. ПАРЫ В РОМАНЕ

Если читать внимательно роман Тургенева, видно как тщательно он описал истории пар, и не только истории, конструирующие логику повествования, но и многие другие, так что семейным положением наделены почти все герои, даже часто герои второго ряда. Именно семейное положение оказывается решающим, как в жизни личности, так и всего общества.

Тургенев тонкими штрихами подчёркивает отличительные социальные признаки описываемых пар.

Три из этих пар, очевидно, главные: Николай Петрович Кирсанов и Фенечка (Федосья Николаевна), Василий Иванович [Базаров] и Арина Власьевна, Аркадий Николаевич Кирсанов и Катя (Катерина Сергеевна) Локтева. Они описаны наиболее подробно, и, конечно, имеют наиболее важное значение. Но об этом ниже. Остальные пары часто даются в нескольких строках.

Так, для Агафоклеи Кузьминишны Колязиной (с точки зрения которой дается описание этой пара) выйти замуж за Петра Кирсанова имело выраженное социальное значение: «Родительница его [т.е. Николая Петровича – М.С.], из фамилии Колязиных, в девицах Agathe, а в генеральшах Агафоклея Кузьминишна Кирсанова»⁴.

1862, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1955

<http://thelibrary.ru/books/pisarev_dmitriy/zhenskie_tipi_v_romanah_i_povestyah_pisemskogo_turgeneva_i_goncharova-read.html>.

До сих пор мне не удалось обнаружить работ, анализирующих роман Тургенева с обозначенной точки зрения.

⁴ Тургенев, *указ. соч.*, с. 168 (гл. I).

История первого брака Николая Петровича Кирсанова служит полноте его описания. Точка зрения в этом случае — прямо⁵ или опосредованно⁶ — всегда Николая. Во-первых, этот брак является символом его оригинальности и независимости⁷. Во-вторых, его передовых мнений⁸. В-третьих, его склонности к спокойствию и миру⁹. Наконец, в настоящий момент жизни Николая Петровича эти события являются предысторией, золотым прошлым, сном, от которого после пробуждения остается память, и желание¹⁰. Милый образ Марии, в речи Николая Петровича, — это прототип счастья, спокойствия и, в конце концов, мифологический образ любви¹¹.

⁵ Выраженная словами самого Николая, см. там же, с. 170 (гл. I); с. 220 (XI).

⁶ В изложении автора, представляющего Николая Петровича, см. там же, с. 169 (гл. I).

⁷ «Николай Петрович успел, еще при жизни родителей и к немалому их огорчению, влюбиться в дочку чиновника Преполовенского, бывшего хозяина его квартиры» (там же).

⁸ Маша, жена, описана как «развитая девица: она в журналах читала серьезные статьи в отделе «Наук»» (там же).

⁹ См. их решение жить на даче, «в маленькой и хорошенькой квартире, с чистою лестницей и холодноватою гостиной», и «наконец — в деревне», где «Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не расставались, читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты; она сажала цветы и наблюдала за птичьим двором, он изредка ездил на охоту и занимался хозяйством» (там же).

¹⁰ «Десять лет прошло как сон» (там же); «вспомнилась ему покойница-жена... «Не дождалась!» — шепнул он уныло...» (там же, с. 170 [гл. I]); «представилась ему опять покойница жена... (...) Она стала его женой, он был счастлив, как немногие на земле... «Но, — думал он, — те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (...) ему хотелось вновь осязать близость своей Марии, ощутить ее теплоту и дыхание» (там же, с. 220 [гл. XI]). Можно здесь наблюдать появление теми вечности, которая тоже пересекает роман.

¹¹ См. также созвучие этой темы с последними страницами романа.

Два брака Анны Сергеевны Локтевой — один предшествующий¹², а другой последующий¹³ событиям романа — очень похожи друг на друга. В обоих случаях любовь не была решающей: в первом случае — «она согласилась», а во втором вышла замуж «по убеждению». Весьма значительной здесь является фамилия, которую она получила от первого брака: Одинцова. Очень точно ей об этом говорит влюблённый Базаров: «Вам хочется полюбить [...] а полюбить вы не можете: вот в чем ваше несчастье»¹⁴. Для нее мужа играют чисто функциональную роль. Необходимо подчеркнуть разницу между первым и вторым ее мужем, которая демонстрирует эволюцию личности Анны Сергеевны (и в этой эволюции не последнюю роль сыграли отношения с Базаровым). Первый муж был «чудак, ипохондрик, пухлый, тяжелый и кислый, впрочем, не глупый и не злой», а второй «очень умный, законник, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова». Первый был «очень богатый», а второй «один из будущих русских деятелей». Первый «лет сорока шести», а второй «ещё молодой»,

¹² «Ее случайно увидел некто Одинцов, очень богатый человек лет сорока шести, чудак, ипохондрик, пухлый, тяжелый и кислый, впрочем, не глупый и не злой; влюбился в нее и предложил ей руку. Она согласилась быть его женой, — а он пожил с ней лет шесть и, умирая, упрочил за ней все свое состояние» (там же, с. 240 [гл. XV]).

¹³ «Анна Сергеевна недавно вышла замуж, не по любви, но по убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова, — человека еще молодого, доброго и холодного как лед. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви» (там же, с. 361 [гл. XXVIII]).

¹⁴ Там же, с. 261 (гл. XVII). Подобным образом она бежит от любви, когда «она где-то за границей встретила молодого, красивого шведа с рыцарским выражением лица, с честными голубыми глазами под открытым лбом; он произвел на нее сильное впечатление, но это не помешало ей вернуться в Россию» (там же, с. 251 [гл. XVI]).

так, что автор надеется, чтобы они пожили «пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви».

С начала и до конца несчастна история любви Павла Петровича Кирсанова. Он красивый и привлекательный, и в молодости «женщины от него с ума сходили, мужчины называли его фатом и втайне завидовали ему»¹⁵. Его роман с «княгиней Р.»¹⁶ накладывает отпечаток на всю его жизнь. «Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила; но когда она охладела к нему, а это случилось довольно скоро, он чуть с ума не сошел»¹⁷. С этой историей корреспондирует влюблённость в Фенечку¹⁸, влюблённость не взаимная, как он сам в конце понимает, отойдя в сторону: «Фенечка! — сказал он каким-то чудным шепотом, — любите, любите моего брата! Он такой добрый, хороший человек! Не изменяйте ему ни для кого на свете, не слушайте ничьих речей! Подумайте, что может быть ужаснее, как любить и не быть любимым! Не покидайте никогда моего бедного Николая!»¹⁹. И эта тяжесть остается в его жизни до конца²⁰.

С влюблённостью в Фенечку Павла Петровича совпадает влюбленность в нее же Базарова²¹. Это достаточно странная история, которую следует интерпретировать в контексте отношений Базарова с Одинцовой. Но, очевидно, и это совпадение говорит о связи Базарова с его антиподом-двойником Павлом Петровичем.

Изображены также две пары из народа. Первой даётся семья некоего мужика:

¹⁵ Там же, с. 192 (гл. VII).

¹⁶ См. там же, сс. 192-194 (гл. VII).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Об этом речь идёт в XXIV главе.

¹⁹ Там же, с. 324 (гл. XXIV).

²⁰ Как автор замечает и в конце романа: «жить ему тяжело... тяжелей, чем он сам подозревает...» (там же, с. 363 [гл. XXVIII]).

²¹ Об этом речь идёт в XXIII главе, хотя Базаров заметил красоту Фенечки и раньше (см. там же, с. 204 [гл. IX]).

— Жена-то? Есть. Как не быть жене?
— Ты её бьешь?
— Жену-то? Всяко случается. Без причины не бьем.
— И прекрасно. Ну, а она тебя бьет?
Мужик задержал вожжами.
— Эко слово ты сказал, барин. Тебе бы все шутить... — Он, видимо, обиделся.²²

А в конце романа, Тургенев с усмешкой сообщает, как создал семью Пётр, слуга, с которого начинается повествование:

он совсем окоченел от глупости и важности, произносит все е как ю: тюпюрь, обюспючюн, но тоже женился и взял порядочное приданое за своею невестой, дочью городского огородника, которая отказала двум хорошим женихам только потому, что у них часов не было: а у Петра не только были часы — у него были лаковые полусапожки.²³

2. ТРИ ОСНОВНЫХ ОБРАЗА

«Неделю тому назад, в небольшой приходской церкви, тихо и почти без свидетелей состоялись две свадьбы: Аркадия с Катей и Николая Петровича с Фенечкой»²⁴. Так мы узнаем от автора о счастливом конце этих двух историй любви.

Отношения Николая Петровича с Фенечкой в течение целого романа постепенно становятся все более явными. Здесь так же, как в истории любви Николая Петровича и Маши, подробно рассказано начало²⁵, и вообще эти две истории во многом перекликаются. Для Николая Петровича, с точки зрения которого описана первая часть их истории, она является отчасти вновь переживаемым прошлым! Но история эта осложняется

²² Там же, с. 274 (гл. XIX).

²³ Там же, с. 362 (гл. XXVIII).

²⁴ Там же, с. 360 (гл. XXVIII).

²⁵ См. там же, сс. 201-203 (гл. VII).

социальными отношениями, реакцией общества: Николай Петрович боится того, что об этом может подумать его сын Аркадий²⁶, и особенно позиции брата Павла, «которого я считал всегда самым непреклонным противником подобных браков!»²⁷. События романа, сопоставление мнений «отцов и детей», а также личный опыт разных героев, делают вполне возможным проживание этих отношений на людях, среди бела дня.

Кроме того, здесь интересно, что дается и точка зрения самой Фенечки²⁸, вплоть до того, что она, отвечая Павлу Петровичу, ясно выражает свою любовь Николаю Петровичу:

— Но ведь вы его любите?

— Люблю.

— Всей душой, всем сердцем?

— Я Николая Петровича всем сердцем люблю.

— Право? Посмотрите-ка на меня, Фенечка (он в первый раз так назвал ее...). Вы знаете — большой грех лгать!

— Я не лгу, Павел Петрович. Мне Николая Петровича не любить — да после этого мне и жить не надо!²⁹

Сложные любовные отношения, которые одновременно являются исходной точкой нескольких событий, в свою очередь существуют во многом благодаря этим событиям, иначе говоря, они суть и семена и плод фабулы.

Не менее сложна история отношений Аркадия Николаевича Кирсанова и Катерины (Кати) Сергеевны Локтевой. Аркадий постепенно влюбляется в неё, и в романе этот путь дается с его точки зрения. Сначала его привлекает Анна Сергеевна, и он долго думает о такой возможности³⁰. Но потом он начинает

²⁶ См. там же, сс. 174-175 (гл. III), и ещё с. 326 (гл. XXIV).

²⁷ Там же, с. 326 (гл. XXIV).

²⁸ Её фамилия не известна.

²⁹ Там же, сс. 323-324 (гл. XXIV).

³⁰ См. там же, с. 236 (гл. XIV); с. 241 (гл. XV); с. 248 (гл. XVI); с. 336 (гл. XXV).

оценивать Катю³¹, он чувствует, что «хорошо ему было с одной Катей», и что «с Катей [...] был как дома»³², что он «желал видеть Катю»³³, так что он смог ей сказать: «я вас не только на вашу сестру, — ни на кого в свете не променяю»³⁴. Они подолгу разговаривают до тех пор, пока он наконец не произносит:

— Катерина Сергеевна, — проговорил он дрожащим голосом и стиснув руки, — я люблю вас навек и безвозвратно, и никого не люблю, кроме вас. Я хотел вам это сказать, узнать ваше мнение и просить вашей руки, потому что я и не богат и чувствую, что готов на все жертвы... Вы не отвечаете? Вы мне не верите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти последние дни! Неужели вы давно не убедились, что все другое — поймите меня, — все, все другое давно исчезло без следа? Посмотрите на меня, скажите мне одно слово... Я люблю... я люблю вас... поверьте же мне!

Катя взглянула на Аркадия важным и светлым взглядом и, после долгого раздумья, едва улыбнувшись, промолвила: — Да.

Аркадий вскочил со скамьи.

— Да! Вы сказали: да, Катерина Сергеевна! Что значит это слово? То ли, что я вас люблю, что вы мне верите... Или... или... я не смею закончить...

— Да, — повторила Катя, и в этот раз он ее понял. Он схватил ее большие, прекрасные руки и, задышавшись от восторга, прижал их к своему сердцу. Он едва стоял на ногах и только твердил: «Катя, Катя...», а она как-то невинно заплакала, сама тихо смеясь своим слезам. Кто не видал таких слез в глазах любимого существа, тот еще не

³¹ «А ведь недурно играет эта барышня, и сама она недурна», (там же, с. 249 [гл. XVII])

³² Там же, с. 253 (гл. XVII).

³³ Там же, с. 304 (гл. XXII).

³⁴ Там же, с. 331 (гл. XV).

испытал, до какой степени, замирая весь от благодарности и от стыда, может быть счастлив на земле человек.³⁵

Для Аркадия прийти к браку с Катей значит обрести душевное равновесие, и, наконец, он может спокойно ответить своему другу и бывшему учителю Базарову, который разочаровался в нем³⁶.

Черты облика Кати также проступают постепенно, и можно сказать, что её мягкость и терпение покоряют сердце Аркадия.

Наконец, родители Базарова, Василий Иванович и Арина Власьевна. Это пара необычайной красоты, изначально почти карикатурная, как будто необходимая для достижения колористических эффектов, и только потом ее история обретает глубокий смысл как образец высоких человеческих отношений.

И если, с одной стороны, говорится, что Арина «вышла против воли»³⁷ за Василия, с другой стороны, мы видим постоянную трогательную солидарность между ними, великолепно выраженную в словах Арины, когда сын уезжает от них: «Что делать, Вася! Сын — отрезанный ломоть. Он что сокол: захотел — прилетел, захотел — улетел; а мы с тобой, как опенки на дупле, сидим рядком и ни с места. Только я останусь для тебя навек неизменно, как и ты для меня»³⁸. И с большим умилением «Василий Иванович принял от лица руки и обнял свою жену, свою подругу, так крепко, как и в молодости ее не обнимал: она утешила его в его печали»³⁹.

Нужно отметить, как они заботятся друг о друге: Арина «спала десять часов в сутки — и не ложилась вовсе, если у Василия Ивановича заболела голова»⁴⁰, а Василий пытается

³⁵ Там же, с. 341 (гл. XXVI).

³⁶ Там же, сс. 343-344 (гл. XXVI).

³⁷ Там же, с. 284 (гл. XX).

³⁸ Там же, с. 299 (гл. XXI).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 283 (гл. XX).

защитить свою жену от страшной новости о болезни сына, от испытания, которое им предстояло выдержать вместе.

Трогательна и крепка последняя сцена романа, которая стоит того, чтобы привести ее целиком.

Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней, из далекой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка — муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшею походкой; приблизятся к оgrade, припадут и станут на колени, и долго и горько плачут, и долго и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня да ветку елки поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем... Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...⁴¹

Производит впечатление то, как они «поддерживая друг друга, идут». Сила любви, на которой держится жизнь, с её трудностями, и которая даже, может быть, преодолагает смерть. В этом смысле, здесь мы найдём истинный и наиболее точный ответ на вопросы всего романа. Ответ не рациональный, а опытный. Именно любовь переживает все и ведет дальше.

3. Выводы

⁴¹ Там же, с. 364 (гл. XXVIII).

Проведенный анализ, будучи имманентным анализом литературного текста, позволил нам выделить в историях любви присутствующих в тексте пар наиболее значительные места с точки зрения повествования.

Мне кажется, что образы пар в романе играют роль ориентира в жизни героев. Ими меряются социальные условности, и в конкретном опыте совместной жизни измеряется и конкретная ценность идей, о которых шла речь.

Брак как форма жизни представляется автором повествования как конкретный способ разрешения противоречий, возникающих на пути обновления и поиска, которые наполняют жизнь персонажей, и возможно также как высший способ противостоять этому миру. Таким образом, смысл проживаемого сосредотачивается не в словах и рассуждениях, но в самом проживаемом. О самой любви бесполезно говорить, разговоры о ней не способствуют жизни. Необходимо воплотить ее в конкретной форме, и пусть это воплощение будет несовершенно и неполно, оно в любом случае превзойдет все рассуждения.

Может быть, Базаров не был совсем прав, когда сказал: «Любовь — форма»⁴². Может быть, не только...

⁴² Там же, с. 358 (гл. XXVII).

BIBLION
edizioni

Finito di stampare nel mese di marzo 2012